

с этим В. П. ставит задачу, которая до сих пор мало привлекает к себе внимание исследователей, но исключительно важна: «... четкая классовая характеристика всего этого устнопоэтического наследия древней Руси — первоочередная, неотложная задача, чтобы в каждом отдельном случае исследователь мог с определенностью показать, фольклором какого класса воспользовался писатель, сохранил или изменил он самую суть использованного устного материала, и чем вызвано его отношение к этой сути. Следует также иметь в виду, что не каждый период средневековья отразил в литературе классовую неоднородность фольклора».¹⁴

Я останавливаюсь так подробно на высказываемых В. П. взглядах на взаимоотношение литературы и фольклора потому, что эти взгляды, выросшие на основе ее многочисленных конкретных исследований, имеют принципиальное значение для совершенно новой постановки этой проблемы, предлагаемой В. П.; кроме того, эти взгляды очень важны с точки зрения историко-литературной. Они позволяют по-новому рассмотреть и понять взаимоотношение с фольклором книжных исторических жанров.

Идя по пути исследования взаимоотношения исторического повествования с народной поэзией, В. П. установила любопытную закономерность. Летописание XI—начала XII в., объединенное в «Повести временных лет», по своей идеологической устремленности представляло благодарную почву для установления тесных связей с творчеством трудового народа, особенно с его историческим эпосом. Последний использовался и как исторический источник, и как идейная опора повествования летописца. Однако в дальнейшем мировоззрение летописцев подвергается все большему воздействию феодального общественного строя. Связи летописания с фольклором слабеют. Новые политические задачи летописания все больше отчуждают летописцев от устной истории народа.

Вместе с тем В. П. отмечает существенные особенности отбора фольклорных сюжетов летописцев. «Насколько охотно включал в свой рассказ летописец проникнутые горячим патриотизмом предания о героическом прошлом, о борьбе Руси с внешними врагами, о героях, выделявшихся в этой борьбе, настолько планомерно он замалчивал несомненно существовавшие рассказы или песни о борьбе трудового народа с эксплуатацией, нараставшей по мере углубления феодализации. Феодальная идеология летописца не допустила его стать на сторону народа в этой борьбе, поэтому он, такой внимательный в других случаях к „неписаной истории“, совершенно обошел фольклор, отражавший классовый протест „смердов“ и городских ремесленников против нажима феодальных верхов».¹⁵

Новая постановка вопроса о взаимоотношении литературы и фольклора позволила В. П. иначе, чем это было принято в исследовательской литературе до того, осмыслить и фольклоризм «Слова о полку Игореве». Цель своей статьи «„Слово о полку Игореве“ и устная народная поэзия» В. П. определяет так: «Наша задача состоит в том, чтобы и некоторые стороны художественного метода отражения действительности, свойственные автору „Слова“, представить в их отношении к своеобразному мировоззрению устной поэзии, в частности народного, героического и сказочного эпоса».¹⁶ Связь «Слова» с народной поэзией предстает перед исследовательницей как связь прежде всего идейная, за которой следует и связь внешняя: перенос в «Слово» отдельных образов, мотивов, приемов, символов, метафор, сравнений и пр.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ТОДРА, т. VIII, стр. 107

¹⁶ Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М—Л, 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 293—294.